

І. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 34.01

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВА

© Малешин Дмитрий Яковлевич

доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 13,
4-й учебный корпус

E-mail: dmitry.maleshin@gmail.com

Эффективное правовое регулирование в области гражданских правоотношений требует кроме социологических исследований и изучения практики применения социокультурного метода, который выявляет «предрасположенности» культурологического типа общества. Проведение любых правовых преобразований должно осуществляться только при четком понимании социокультурных особенностей национальной правовой системы. Ошибки либо неопределенность с цивилизационной принадлежностью, например России, имеют отрицательные последствия. Социокультурный метод позволяет определить причины, по которым многие совершенные «на бумаге» или эффективные в другом государстве гражданские процессуальные институты остаются недействующими на практике. В целях совершенствования юридических инструментов определение таких понятий, как культура, цивилизация, менталитет, имеет большое значение для развития юридической науки. В современных сравнительно правовых исследованиях выделяют два социокультурных типа. Тем не менее в условиях глобализации, сближения правовых систем и культур Востока и Запада имеет место поиск «золотой середины» в праве между нормами, основанными на индивидуализме и базирующимися на коллективизме. Правовая культура, являясь частью социокультурного типа общества, воздействует на законодательство через правосознание и юридическую практику. Социокультурный тип общества выступает основой для развития правовой системы.

Ключевые слова: право; общество; правовая система; правовое регулирование; правовая культура; социокультурный метод; культурологический тип; формационный и цивилизационные подходы; коллективизм и индивидуализм в праве.

В отечественных отраслях права особую роль имеет такой метод, как культурологический или социокультурный анализ. Еще Платон подчеркивал, что «законность — повиновение правильным законам» [1]. «Правильность» нормативного акта определяется прежде всего соответствием потребностям как всего общества, так и большинства отдельных его членов. Еще Монтескье отмечал, что «... законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа» [2]. Указанный тезис в полной мере относится и к законотворчеству в области гражданского судопроизводства. Установление потребностей общества возможно несколькими способами: проведением социологических исследований, изучением

практики применения действующего законодательства и т. д. Применение этих методов дает возможность определить отношение граждан к действующему законодательству, его отрицательные и положительные черты. Однако анализ будет неполным, если не установлены «глубинные» причины несоблюдения правовых норм. Выявлению таких причин будет способствовать, по нашему мнению, не только использование указанных способов, но и применение социокультурного метода. Данный способ правового исследования предполагает учет культурологических особенностей общества, в котором применяется нормативный акт. Большое значение данного метода для российской науки обусловлено спецификой отечественного культурологического типа.

В любом человеческом обществе действуют нормы, определяющие поведение его членов. Это может быть мораль, традиции и т. д. К их числу относятся юридические нормы. Право не существует самостоятельно, вне общественных отношений. Право является одним из способов социального регулирования [3]. Многие авторы рассматривают правовую систему даже как связующее звено между обществом и государством [4]. В то же время правовое регулирование характерно не для всех типов обществ. В одних странах существует длительная юридическая традиция, а других государствах право мало что значит для его граждан [5]. Распространена точка зрения о том, что чем сложнее общественные отношения, тем эффективнее их регулирование с помощью юридических норм [6]. Исходя из этого постулата делается вывод о том, что правовое регулирование характерно только для развитых обществ. В традиционных обществах юридические нормы практически отсутствуют [7]. В них достаточно общественного порицания и других способов социального контроля. Не затрагивая подробно данную проблематику, считаем, что в определенных случаях неправовые способы социального контроля являются более эффективными, чем нормы права. Более того, степень эффективности правового регулирования зависит, с нашей точки зрения, от «предрасположенности» к нему культурологического типа общества. Например, правовые нормы не являются эффективным способом социального регулирования в азиатских и других основанных на коллективизме обществах, где более эффективны другие способы социального контроля. Несмотря на специфическую роль права в данных обществах, неверно относить их к «неразвитым» правовым порядкам. В Европе, Северной Америке и других обществах, основанных на индивидуализме, право, наоборот, является основным социальным регулятором. Другие формы социального контроля применяются, но роль их незначительна.

В последнее время в гуманитарных науках получили распространение цивилизационный, социокультурный и культурологический анализы. Суть данных методологических средств сводится к учету особенностей культурологического типа общества, национальных интересов в различных областях общественной жизни. Традиционно данные факторы учитываются в геополитических [8] и экономических [9] исследованиях. В этих сферах игнорирование национальных интересов страны может привести к ее гибели. В настоящее время учет культурологических особенностей становится важным и в других областях. Ошибки либо неопределенность с цивилизационной принадлежностью России не только имеют отрицательные последствия для внешней политики нашего государства, но и создают препятствия в развитии других сфер деятельности. В правоведении дан-

ные факторы учитываются не всегда. В процессе законотворчества в нашей стране традиционно используются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы и др. Применение же социокультурного анализа имеет скорее случайный, чем закономерный, характер. В то же время в современном мире правильность юридических решений имеет чрезвычайно важное значение. От них зависит дальнейшее развитие человечества в эпоху глобализации [10].

Взаимозависимость культуры и права подчеркивается многими учеными [11]. Как писал профессор Московского университета О. Э. Лейст, «для выявления реальных связей права и общества наиболее перспективен социокультурный подход...» [12]. Французский компаративист Р. Леже, отмечая значение национальной правовой культуры, подчеркивает, что «государство должно стараться его признавать и придавать ему большую важность, чем элементам позитивного права (нормативным актам и судебным постановлениям), которые зачастую имеют лишь переходное значение» [13]. Данный метод определяет влияние культуры на характер общественных отношений. Он дает возможность лучше определить природу правовой системы [14], факторы, обуславливающие ее развитие, общую структуру и особенности. Исследование права через призму культуры означает рассмотрение его в качестве элемента определенной системы ценностей того или иного общества [15]. Этот метод позволяет внедряться «в ткань социального бытия, преобразуя, организуя и стабилизируя общественные процессы» [16]. Данный подход к изучению права описывает не только то, как право функционирует и каковы границы его существования, но и то, как оно адаптируется к меняющимся условиям, как оно себя воспроизводит, каковы причины и механизмы его упорядоченности [17]. Культурологические исследования позволяют определить «глубинные» причины несоблюдения правовых норм и низкого уровня правопорядка. Проведение любых правовых преобразований должно осуществляться только при четком понимании социокультурных особенностей национальной правовой системы. В ином случае, как отмечают некоторые ученые, подобные реформы можно сравнивать «с лечением «вообще», «заочно», без представления о больном и его диагнозе» [18].

Несмотря на схожесть с формационным и цивилизационным подходом к праву, социокультурный анализ отличается от них. Если при формационном подходе право определяется экономикой, при цивилизационном технологией, основное внимание уделяется материальной составляющей общества, то социокультурный подход рассматривает право как духовное явление [19].

Социокультурный метод в настоящее время недостаточно широко используется как в отечественном законотворческом процессе, так и в научных исследованиях. Если в общетеоретических юридических работах этому вопросу уделяется некоторое внимание [20], то в исследованиях отраслевых наук он освещается редко. Игнорирование этого метода является недостатком современного законотворческого процесса России. Учет результатов культурологических исследований особенно важен для российского законодателя, призванного устанавливать единые правила поведения, обязательные для представителей различных культур. Учет социокультурных особенностей конкретного общества в правотворчестве и правоприменении, касающихся гражданского процесса, позволяет определить причины, по которым многие совершенные «на бумаге» или эффективные в другом государстве гражданские процессуальные институты остаются

недействующими на практике. Эффективность права зависит от общественных интересов. Юридическая норма будет реализовываться только в том случае, если она им соответствует. Общественные интересы, в свою очередь, являются «продуктом» определенной культуры, они формируются под воздействием именно социокультурных факторов. То есть эффективность конкретной юридической нормы зависит от того, насколько она соответствует социокультурным условиям определенного общества.

Учитывая важность понятия социокультурных условий общества, необходимо четко определить, что понимается под этой категорией. Любое исследование должно базироваться на выверенных понятиях и четко обозначенных категориях для того, чтобы не возникало противоречий в заключениях. Неопределенность или разночтения относительно понятия социокультурных условий общества могут иметь негативные последствия, поскольку данная категория является ключевой в типологии гражданских процессуальных систем. Ситуация осложняется тем, что в современных, даже социологических и культурологических, исследованиях использование термина «социокультурный» сопровождается методологической неопределенностью, противоречащими друг другу толкованиями его смысла, а чаще всего вообще отсутствием какого-либо уточнения его смысла [21].

Категория социокультурных условий общества относится к ведению культурологической науки. Кроме нее применяются и другие понятия для обозначения специфики культуры того или иного общества. Такими категориями являются, например, культурологический тип, социокультурный мир, а также собственно культура. Все они часто используются в качестве синонимов.

Под культурологическим типом понимается совокупность параметров, с помощью которых раскрываются основные черты того или иного объекта и дается содержательное понимание процесса его воспроизводства и развития [22]. Используется также термин «социокультурный мир», под которым понимается общество, характеризующееся особым специфическим для него типом культуры, образующее общую информационно-семиотическую среду, где протекает жизнедеятельность его членов [23].

Самой распространенной категорией является культура. Существует более двухсот ее определений. Впервые теория культуры была разработана британским антропологом Э. Тайлором (E. Tylor) в 1871 г. Он ее определил как совокупность знаний, верований, моральных устоев, правил, обычаев и других черт, характерных для человека как члена общества [24]. В настоящее время антропологи применяют ее к поведению человека как члена общества [25]. Социолог П. А. Сорокин трактовал культуру как некую совокупность, которая создана или изменена в результате деятельности нескольких индивидов, взаимодействующих друг с другом [26]. Т. Парсонс под культурой понимал систему ценностей, убеждений и экспрессивных символов [27]. Профессор философского факультета МГУ В. В. Миронов рассматривает культуру как совокупность результатов деятельности людей, создавших систему традиционных для человечества ценностей [28]. Универсальным является определение культуры как комплекса знаний, верований, искусства, морали, законов, обычаев, а также иных способностей и навыков [29]. Под культурой понимается также способ конкретной реализации и функционирования закономерностей общественного развития в непосредственной по-

вседневной жизни людей [30]. Как справедливо отмечают некоторые ученые, под культурой следует понимать не только шедевры искусства, а принятую во всем мире социальную солидарность людей, совокупность исторического опыта их коллективного бытия, специфическую модальность группового человеческого существования [31].

Наряду с культурой нередко употребляется термин «цивилизация». Под цивилизацией понимается социальная организация общества, характеризующаяся особенной связью индивидов и первичных общностей [32]. Любая цивилизация стремится оградиться от проникновения чужеродных влияний [33]. Если термин «цивилизация» обозначает процесс, то «культура» — результат человеческой деятельности [34]. Нередко эти термины используются в качестве синонимов [35].

Некоторые авторы используют понятие «менталитет», под которым понимается совокупность принятых и в основном одобряемых определенным обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей [36]. Выделяется несколько уровней ментальности: коллективное общественное сознание (ценности, идеалы), пограничный слой, содержащий нормы и традиции, обеспечивающий связь между общественным и коллективным бессознательным, а также общественное подсознание [37].

Многие ученые отождествляют все рассмотренные понятия [38] и используют их для обозначения специфики культуры того или иного общества. В рамках настоящего исследования мы, во-первых, также придерживаемся точки зрения об их тождественности, а, во-вторых, считаем возможным использование собирательного определения и рассматриваем их как систему ценностей, моральных устоев, правил, обычаев и других черт общества, сложившихся в конкретных исторических и социальных условиях.

Кроме собственно определения культурологического типа большое значение имеет содержание данного понятия, его структура. Учитывая, что он представляет собой систему, необходимо установить компоненты данной системы. Причем для составления типологии гражданских процессуальных систем нет необходимости подробно рассматривать все элементы. Следует остановиться на компонентах, имеющих отношение к праву и соответственно к гражданскому процессу.

В структуре культурологического типа выделяют материальную, духовную, повседневную, массовую культуры. Одной из составных частей социокультурного типа является правовая культура. По словам И. А. Покровского, «... право является лишь одним из элементов этой общечеловеческой культуры» [39]. Определение данного термина является дискуссионной темой. Н. А. Крашенинникова рассматривает ее как систему сложившихся правовых традиций, убеждений, ценностей, идей, установок практического правомерного поведения, обеспечивающего воспроизводство юридической жизни общества на основе преемственности [40]. С. С. Алексеев под правовой культурой понимает своеобразное юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу [41]. Некоторые ученые под правовой культурой понимают идеи, ценно-

сти и отношение к праву, распространенные в обществе [42], а другие — смысловое единство, состоящее из правовых концепций, источников права, правовой методологии и правовой аргументации, из общих правовых ценностей и общего правопонимания [43].

Структура правовой культуры также является дискуссионной темой. По мнению некоторых ученых, она состоит из трех уровней: правосознания, юридической деятельности, системы нормативных актов [44]. Другие авторы считают, что она включает в себя три (юриспруденция, правосознание и юридическое образование) [45], пять (правосознание, механизмы его формирования, состояние законодательства и законности, а также способы поддержания законности) [46], либо шесть (право, правосознание, правовые отношения, законность, правопорядок и правомерная деятельность субъектов) [47] элементов.

Следует подчеркнуть, что юридическая практика представляет собой составную часть правовой культуры. Получается, что общий культурологический тип обуславливает правовую культуру, а последняя, в свою очередь, — юридическую практику. Специфика социокультурного типа имеет непосредственное проявление в правоприменительной практике. Учитывая, что практика применения является обязательным компонентом гражданской процессуальной системы, существующая связь между общим социокультурным типом общества, правовой культурой и в конечном итоге юридической практикой имеет большое значение.

Одним из ключевых элементов правовой культуры является правосознание. Оно наиболее ярко и отчетливо опосредуется общими социокультурными условиями общества. Под правосознанием понимается совокупность различных представлений, чувств, волевых импульсов, группирующихся в правовую идеологию и правовую психологию, а также в индивидуальное и общественное правосознание, обеспечивающих передачу и преобразование социальной информации в правовой сфере [48]. Другие авторы под правосознанием понимают систему понятий, взглядов, идей, в которой осмысливаются и оцениваются правовые явления в обществе, правовые отношения людей к действительности и друг к другу [49]. Оно имеет социокультурную основу [50]. В категории «общественное правосознание» фиксируется целостность отражения обществом определенной стороны противоречий общественного бытия [51]. Учитывая, что правовая культура является частью гражданской процессуальной системы, правосознание следует рассматривать как ее составную часть. Оно в наибольшей степени обусловлено нравственными воззрениями и предпочтениями граждан, общими социокультурными условиями общества. Такая взаимосвязь правосознания и гражданской процессуальной системы является своеобразным «проводником» общих социокультурных условий общества в гражданский процесс.

Большинство указанных терминов употребляется в качестве синонимов и характеризует социокультурное своеобразие общества. Наиболее приемлемым является определение, рассматривающее их как систему ценностей, моральных устоев, правил, обычаев и других черт общества, сложившихся в конкретных исторических и социальных условиях. Правовая культура является составной частью социокультурного типа и через юридическую практику и правосознание они оказывают влияние на гражданский процесс.

Многообразие типов культур является своеобразным «двигателем» всемирной истории. Выделяют первобытную, военную, религиозную, научную

культуры [52], западноевропейскую и среднеазиатскую культуры [53] и т. д. В последнее время популярной является точка зрения американского философа С. Хантингтона о существовании в современном мире западной, латиноамериканской, африканской, исламской, синской, индуистской, православной, буддийской и японской цивилизаций [54]. Один из основоположников современной социологии П. А. Сорокин выделял три социокультурных типа: идеациональный, чувственный и смешанный [55]. Критерии деления цивилизаций также разнообразны. В зависимости от исторического развития выделяют античную, египетскую, шумерскую цивилизации, цивилизации инков, ацтеков и т. д. Распространено деление культур в зависимости от религиозных предпочтений общества, географических условий, художественно-стилевых признаков, стадий исторического развития. Ярким примером исторического подхода при социокультурной типологизации является концепция общественно-экономических формаций, обосновывающая выделение первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического типов. Некоторые ученые выделяют такое основание типологии культурных систем как принципы социальной солидарности, под которыми понимаются цели, интересы и потребности, оказавшиеся для конкретной группы людей причиной жить вместе и организовывать совместный социальный порядок [56]. Распространенным является такой критерий как, гендерные возможности [57]. Одним из широко применяемых оснований типологии является степень внедрения результатов научно-технического прогресса [58]. Используя данный критерий, культуры часто делятся на отсталые и передовые, на цивилизованные и «нецивилизованные», на развитые и дикие. Еще во время древнего мира было принято делить народы на «цивилизованные» и «варварские». Некоторые ученые применяют совокупность критериев. В частности, используя такие основания, как темперамент и стереотипы поведения, религия или мифология, формами семейных отношений считают европейские, арабские, латиноамериканские, африканские культурные общности людей [59].

Для целей настоящего исследования наиболее оправданным является такой критерий, как приоритет интересов индивида или коллектива в обществе. Нам он интересен, поскольку доминирование личности или общества обуславливает многие компоненты гражданской процессуальной системы, динамику и структуру процесса.

В соответствии с данным критерием наибольшее распространение получили два социокультурных типа. Первый основан на индивидуализме, второй — на коллективизме [60]. Существуют и схожие типологии: традиционалистские и техногенные цивилизации [61], либо открытые (ценность личности выше, чем интересы коллектива) и закрытые (коллектив подавляет личность) общества [62]. Другие ученые прямо говорят о различных культурологических типах Востока и Запада [63]. В конечном итоге отличительные черты этих противоположных социокультурных типов независимо от того, как они именуется, идентичны тем, которые приняты для характеристики индивидуалистских и коллективистских обществ. Термины «коллективистский» и «индивидуалистский» наиболее часто используются в научных исследованиях, посвященных культурологической проблематике. Кроме того, они, с нашей точки зрения, лучше всего подчеркивают отличительные черты обоих социокультурных типов. В настоящем исследовании используется данная культурологическая типология, поскольку она позволяет

наилучшим образом установить специфику общества, той «внешней среды», в которой действуют гражданские процессуальные нормы.

Под коллективизмом понимаются моральные принципы, которые подразумевают приоритет группы над индивидуумом, а также организацию общества, при которой индивидуум подчиняется коллективу [64], личные интересы подчинены общественным интересам [65]. Индивидуализм определяется как моральные принципы, которые подчеркивают и развивают личную целеустремленность, а также организацию общества, которая направлена на защиту интересов индивидуума [66]. Индивидуалистические культуры рассматривают личность как автономную и независимую, а коллективистские — как взаимозависимую [67]. Если при коллективизме личность ассоциируется с конкретной социальной группой (семьей, кланом, кастой, сословием и т. д.) [68], то при индивидуализме, наоборот, она имеет приоритет по отношению к обществу в целом и конкретной социальной группе [69]. Коллективистские культуры требуют растворения человека в коллективе, подчинения своих нужд и интересов общественным, осознания своей полной зависимости от общества, а индивидуалистические культуры основываются на противоположном принципе подчеркнутого уважения к индивидуальным способностям человека, его потребностям и стараются воспитать независимость [70].

Противопоставление коллективистского общества индивидуалистическому имеет истоки еще в древнегреческой философии. Сторонником коллективизма принято считать Платона. Он следующим образом обосновывает свою точку зрения: «все, что возникло, возникает ради всего в целом, с тем, чтобы осуществилось присущее жизни целого блаженное бытие, и бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты ради него...» [71]. Далее он конкретизирует свою идею по отношению к государственному устройству: «... истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное» [72]. В идеальном государстве, по мнению Платона, должно быть отсутствие личной собственности и наличие общности имущества [73].

Обоснование идей коллективизма имеет место в многочисленных философских концепциях. О. Шпенглер писал: «Не Я, но «Мы», коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Дело не в человеческой единице, она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а все за всех...» [74]. По мнению Ф. Ницше, «...все общинные образования, все общества во сто крат откровеннее и поучительнее свидетельствуют о сущности человека, нежели индивидуум, который слишком слаб...» [75].

В древневосточной философии высшей ценностью являлся не отдельный человек, а безличностная субстанция, связанная с космосом. Человек должен был подчиняться вселенной. Он трактуется только как элемент общества. «Я» не рассматривалось как отдельная категория, всегда считалось продолжением другого «Я». Первичной была категория «Мы». Человек ценился не сам по себе, а лишь как часть целого, общества.

Общества, базирующиеся на коллективизме, широко распространены в современном мире. Их колыбелью традиционно принято считать страны Юго-

Восточной Азии [76]. Такие культурологические черты стали для них основой технического прогресса, в особенности в Китае [77].

Идеи индивидуализма имеют место в учениях софистов, Сократа, Аристотеля и других древнегреческих философов. Знаменитое изречение Протагора: «Человек есть мера всех вещей» [78] — можно считать одним из постулатов данной концепции. Индивидуализм принято считать основой западной цивилизации, ядром христианства [79]. Своеобразным примером «торжества» индивидуализма является американская культура. Основа данного культурологического типа — культ индивидуума, уважение к потребностям и чувствам отдельного человека, игнорирование коллектива, что обуславливает направленность экономики, политики и права на максимально полное обслуживание индивидуума [80]. Преимущества данного мировоззрения, равно как и его критика, изложены в многочисленных работах. Положительными чертами принято считать уважение личности [81], общественный уклад, способствующий реализации интересов индивидуума [82] и т. д.

В то же время положительные черты имеют обратную сторону. Свобода мысли, индивидуального мышления на практике приводит к неспособности иметь собственные суждения, которые заключаются в пересказе чужих взглядов, индивидуальное мышление растворяется в общем мнении [83], человек утрачивает контроль над большинством значимых социальных процессов [84], растет число людей, лежащих «бременем» [85]. В результате появляются «общество риска» [86] и «общество потребления» [87], происходит так называемое «бегство от свободы» [88], «закат Европы» [89] и в итоге — «смерть Запада» [90]. Ожидание конца западноевропейской цивилизации прослеживается в работах многих ученых. В то же время, как справедливо было замечено, такое ожидание длится уже более столетия [91], а западная цивилизация продолжает успешно существовать. Тем не менее недостатки, а в некотором смысле и кризис западноевропейского, а следовательно индивидуалистического, типа очевидны.

Если при индивидуализме первичной является психологическая установка «Я», то при коллективизме — «МЫ». Понятие «Я» побуждает человека осознавать свою уникальную и отличную от других сущность, ощущение своего собственного бытия [92]. Понятие «МЫ» предполагает отождествление человека, в первую очередь, с социальной общностью. Если при индивидуализме конкретный человек, личность рассматривается как самостоятельная ценность, то при коллективизме — только как представитель определенной социальной общности, группы. Основное различие двух мировоззрений заключается в противоположности подходов к разрешению моральных конфликтов, возникающих между личностью и социальной общностью [93].

Используя терминологию марксизма, следует отметить, что культура является базисом по отношению ко всем общественным отношениям. Культурологический тип обуславливает развитие как права в целом, так и гражданского процессуального права в частности. Роль и цель права при коллективизме и индивидуализме различны. Если в индивидуалистическом обществе право является основным социальным регулятором, то при коллективизме эти функции выполняются иными способами, чаще всего посредством религии, обычаев и т. д.

При коллективизме право направлено на защиту интересов всего общества, на достижение коллективных целей. Платон достаточно четко изложил эту кон-

цепцию: «Неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом» [94], — и далее продолжает: «Я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного гражданина» [95]. Во многих коллективистских обществах до сих пор сохранился принцип коллективной ответственности семьи или другого коллектива за правонарушения одного из его членов [96].

При индивидуализме право защищает, в первую очередь, интересы отдельного члена общества, ориентировано на решение индивидуальных задач [97].

Таким образом, в культурологии применяется множество терминов для обозначения специфики социальной общности людей: культурологический тип, социокультурные условия общества и др. В настоящей работе они используются в качестве синонимов. Мы придерживаемся взгляда о культурологическом типе как системе ценностей, моральных устоев, правил, обычаев и других черт общества, сложившихся в конкретных исторических и социальных условиях. Правовая культура является составной частью социокультурного типа и через юридическую практику и правосознание оказывает влияние на гражданскую процессуальную систему. Существует множество классификаций культур, но для настоящего исследования наиболее оптимальной является дифференциация на коллективистский и индивидуалистский типы. В ее основу положено доминирование интересов личности либо индивидуума в обществе, что имеет большое значение как для правовой системы в целом, так и для гражданского процесса.

Следует иметь в виду, что оба типа являются своеобразными идеальными моделями, противоположными полюсами, которых «в чистом виде» практически не существует. В то же время несмотря на имеющее место сближение они изначально определяют важные социокультурные основы конкретного типа, которые остаются неизменными. Поэтому базовые черты того или иного типа имеют важное значение в общественном развитии, они оказывают влияние на все сферы общественной жизнедеятельности: от экономики до права. Гражданская процессуальная система также обусловлена социокультурным типом.

Тем не менее в условиях глобализации, сближения как правовых систем, так и культур имеет место поиск «золотой середины» в праве между нормами, основанными на индивидуализме и базирующимися на коллективизме. В последнее время в европейских странах, где традиционно распространена индивидуалистическая модель поведения, значительное влияние оказывают коллективистские мировоззрения. Интересно мнение по этому вопросу одного из европейских общественных деятелей М. Тэтчер. «... Осмелюсь утверждать, — пишет она, — что азиатские, особенно восточноазиатские, ценности, обычаи и установки оказывают на нас постоянное и возрастающее влияние» [98]. В азиатских государствах, наоборот, большое распространение получили идеи индивидуализма. Изначально противоположные цивилизации движутся в настоящее время во встречных направлениях: западная развивает коллективистские ценности, а восточная — индивидуалистические [99].

Несмотря на различную степень эффективности права как формы социального контроля, оно является в современном мире основным формальным социальным регулятором независимо от типа общества. Современный тип права является элементом культуры европейской цивилизации, своеобразным «продук-

том» ее развития. В эпоху Возрождения сама ценность права была вновь обретаема в Европе [100]. Следует иметь в виду, что данная форма социального регулирования сложилась исторически в условиях экономического, политического, духовного развития европейских обществ с развитым индивидуализмом. Причем ее развитие было обусловлено прежде всего необходимостью защиты индивидуалистических ценностей. Распространение права в качестве важной формы социального регулирования по всему миру связано преимущественно с экспансией европейской цивилизации, основанной на технологическом превосходстве. Более того, нередко его распространение осуществлялось насильственным способом. Естественно, что в подобных условиях право не может быть одинаково эффективно в обществах, в которых оно изначально сформировалось как естественная форма социального контроля, и в обществах, в которые оно было привнесено в качестве чужеродного элемента.

Существуют факторы, препятствующие развитию права, например, интересы различных социальных групп, идеологические установки, экономические и политические, различные психологические и социокультурные условия [101]. Право может не только развиваться, но и иметь обратный процесс, может стагнировать. Препятствия к развитию права имеют место преимущественно в коллективистских обществах. Не являясь ключевым социальным регулятором, право занимает второстепенное место в этих обществах. Соблюдение юридических норм становится необязательным, поскольку большей силой обладают неправовые регуляторы. В таких условиях развитие получает явление, именуемое правовым нигилизмом.

Правовое регулирование является чужеродным во многих обществах. Об этом пишут и «западные» ученые. Например, американский исследователь Г. Дж. Берман отмечает, что «право, раньше казавшееся «естественным», оказывается всего лишь «западным»» [102]. Известные французские компаративисты пишут, что «на Западе не поняли, что институты, которые управляют жизнью общества в Европе, полностью непригодны» в других государствах, для которых «демократия европейского типа равнозначна лишенной смысла фразеологии» [103]. А. Г. Лисицын-Светланов указывает, что «стремление распространить нормы и ценности, сложившиеся в лоне европейской цивилизации, на страны других цивилизаций..., а подчас и принудительно навязать их народам с иной культурой, традициями, обычаями, религией вызывает негативную реакцию и ведет к противостоянию цивилизаций, их открытому либо скрытому сопротивлению вторжению чужой культуры, образа жизни...» [104]. Опыт существования права в странах Азии, Африки и некоторых других государствах свидетельствует о его неэффективности. Как следствие, правовой нигилизм характерен для большинства этих стран.

Неоднозначное отношение к современному праву сложилось в странах, где религия и другие социальные регуляторы имеют большое значение. Как отмечает В. Д. Зорькин, «в отличие от западной культуры право не является определяющим социальным регулятором в тех правовых системах, где приоритет принадлежит религии, традициям, обычаям — в особенности, как известно, это касается стран так называемого восточного типа» [105]. В то же время парадокс ситуации связан с тем, что религия, наряду с моралью, является одним из основных источников возникновения права. Были периоды, когда религиозным нормам прида-

вался юридический статус [106]. Например, на развитие древнеримского права религия оказывала большое влияние, за нарушение правовых норм применялись религиозные санкции [107].

В современный же период в государствах, где религия имеет большое влияние, отношение к праву в большинстве случаев является отрицательным. Причина подобной парадоксальной ситуации заключается в том, что право в большинстве современных ортодоксальных государств является «насажденным извне», оно не отражает нравственные начала общества, в котором действует. Имела место рецепция иностранного, преимущественно европейского, права без учета собственных традиций. В странах Западной Европы право исторически развивалось из религиозных, христианских норм. Другие же государства в качестве образца использовали западное право, но не учитывали его христианское происхождение. Поэтому в странах, где распространены другие религии, право является «чуждым» элементом. Религия является важным социальным регулятором. Игнорирование ее основных постулатов в праве может привести к правовому нигилизму.

Например, в странах Юго-Восточной Азии первостепенное значение в регулировании общественных отношений имеют идеи конфуцианства. Данное учение стало основой для экономического процветания стран этого региона в последнее время [108], хотя нередко его связывали с коррупцией и многими другими проблемами, возникающими в этих государствах. В любом случае идеи конфуцианства «пронизывают» практически все сферы общественной жизни в странах Юго-Восточной Азии. Правовая система не является исключением.

В Японии, несмотря на то, что право в техническом отношении достигло высокого уровня, общество не ценит юриспруденцию вообще [109]. Первоначально правовая система Японии и других стран Юго-Восточной Азии была создана и направлена преимущественно на удовлетворение потребностей и защиту интересов иностранцев. Ее создание было обусловлено вовлечением этих стран в товарооборот с европейскими государствами и, как следствие, необходимостью установления понятных для его участников юридических норм. Внутри Японии таких потребностей не существовало. Общественные отношения регулировались преимущественно неправовыми средствами либо нормами, имеющими принципиальные отличия от европейского законодательства того времени. Даже в настоящее время инициатива по проведению любой юридической реформы исходит не из практики, а преимущественно от политической элиты и связана с возросшим участием Японии в международном товарообороте. Поэтому такие преобразования оцениваются японскими учеными как «борьба с культурой» (the reform of a legal system is a fight against culture) [110].

Своеобразие правовой культуры и правосознания в Китае отмечают многие ученые. Гегель, сравнивая европейское право с китайским, подчеркивал, что они сильно отличаются друг от друга, поскольку китайские правовые институты «... представляют собой не право, а подавление права» [111]. С чем связана такая характеристика европейского философа чуждых ему правовых норм? Юридическая система изначально была чужеродным элементом в развитии общественных отношений в Китае. По словам известных французских компаративистов, «в глазах китайцев право не просто далеко от того, чтобы быть фактором порядка и символом справедливости; оно — орудие произвола, фактор, нарушающий нор-

мальный порядок вещей. Добропорядочный гражданин не обязан уважать право и даже думать о нем» [112].

На развитие китайской правовой системы оказывают большое влияние три основных религиозных и философских учения: конфуцианство, буддизм и легизм [113]. Причем эти учения имеют влияние не на формальную сторону права, на законодательство, а преимущественно на фактическое восприятие правовых норм членами общества, на реализацию права. То есть в ряду источников социального регулирования право в этих странах имеет скорее второстепенное значение по сравнению с религиозными или иными общепринятыми духовными нормами общежития. Все три учения исходят из того, что человек существо общественное. Стремление какой-либо личности к выгоде и индивидуальной свободе приводит к разрушению человеческих отношений. То есть приоритет отдается общественным интересам. Имеет место коллективистский тип общества. Это означает, что западные правовые нормы, основанные на индивидуализме, не могут иметь эффективности в этих странах.

Согласно учению Конфуция, человеческие отношения регулируются законами природы. Закон не может быть важнее древних традиций. Конфуций не воспринимал закон в качестве средства поддержания порядка в государстве. Он разработал теорию управления на основе добродетели. Социальные проблемы должны решаться не с помощью права, а через диалог и проявление терпимости [114]. По его мнению, управление с помощью законов приводит только к наказаниям и вызывает у народа стремление их избежать, но не вызывает «стыда» за их несоблюдение, в то время как руководство на основе моральных принципов предполагает искреннее их соблюдение [115]. Во многом этим постулатом объясняется негативное отношение к праву в странах, где идеи конфуцианства по-прежнему имеют реальное влияние в обществе. Другое китайское учение даосизма также отрицательно относилось к праву. В соответствии с ним любое новое законодательство только вносит дисгармонию в устоявшиеся человеческие отношения. Поэтому сохранение порядка в обществе возможно только с помощью традиций.

В Корее развитие права проходило под влиянием трех основных религиозных мировоззрений: конфуцианства, буддизма и шаманизма [116]. Особое значение как в общественной жизни, так и в сфере правового регулирования имело конфуцианство [117]. В то же время действующее законодательство находится в противоречии со многими его постулатами [118].

Специфика мусульманского права связана с особенностями религиозного учения ислама. Согласно его постулатам, существующая система правовых норм пришла от Аллаха, который даровал человеку истинное право, не нуждающееся в пересмотре и изменениях под влиянием социальных условий жизни [119]. Не права человека, а, в первую очередь, его обязанности являются предметом юридического регулирования [120]. Правовые нормы рассматриваются в качестве составной части религии. Коран и Сунна являются источниками права. Нормы ислама имеют приоритетное значение в регулировании общественных отношений, законодатель не может их игнорировать, они являются официальным источником права [121]. Более того, ислам нередко ограничивает полномочия светской власти в регулировании общественных отношений. Например, в ряде

случаев устанавливается запрет на издание законов, распространяющихся на духовных лиц [122].

Разница между влиянием на право ислама и конфуцианства заключается в различной императивности этих норм. Нормы ислама официально обязательны к применению. Учение конфуцианства в большинстве случаев не является официальной идеологией, его постулаты не имеют юридической силы, они применяются неофициально, фактически. Идеи конфуцианства «пронизывают» правовые системы, не являясь формальным источником права, они не применяются напрямую. Ислам же, наоборот, является официальной религией, а его нормы — своеобразным источником права.

Во многих государствах Африки законодательство, созданное по образцу английского права, существует только «на бумаге» и его применяет не более 10–20% населения [123]. Люди практически не используют право, поскольку считают его чуждым элементом, привнесенным западной колонизацией [124]. Общественная жизнь регулируется не правом, а обычаями, имеющими в основном религиозную основу.

Показательным является опыт правовой интеграции в Европейском Союзе. Как отмечает В. Д. Зорькин, «сопротивление культурной среды при внедрении чужеродных правовых институтов в национальные правовые системы — процесс повсеместный, его не избежало даже такое успешное интеграционное образование, как Европейский Союз» [125]. Популярная среди европейских ученых идея «гармонизации права» сталкивается в области гражданского процесса с большими трудностями. Культурные различия между членами ЕС настолько велики, что являются одним из препятствий для принятия единого кодифицированного акта в сфере гражданского судопроизводства.

В коллективистских обществах правовая норма, основанная на индивидуализме, останется недействующей и, наоборот, в индивидуалистских обществах законодательство является неэффективным, если базируется на принципах коллективизма. Игнорирование в законотворчестве элементов той или иной социокультурной модели является причиной правового нигилизма. Эти исследования осложняются тем, что установить прямую зависимость между неэффективностью конкретной правовой нормы и социокультурной особенностью общества достаточно сложно. Такая связь устанавливается косвенным путем.

Таким образом, социокультурные основы общества являются одним из ключевых факторов в развитии права. Оно не может существовать автономно, вне общества, в котором применяется. Социокультурные условия обуславливают роль права в обществе. Коллективизм и индивидуализм оказывают влияние не только на законодательные нормы, но, в первую очередь, на практику их применения. Правовая культура, являясь частью социокультурного типа общества, воздействует на законодательство через правосознание и юридическую практику. Социокультурный тип общества выступает своеобразной основой для развития правовой системы.

Литература

1. Платон. Диалоги. — М., 2000. — С. 431.
2. Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1999. — С. 16.
3. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. — М., 2002. — С. 153–155, 159–160; *Общая теория государства и права. Академический курс*: в

- 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. — М., 1998. — Т. 2. — С. 64–94; *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. — М., 1999. — С. 313–315; *Cairns H.* The Theory of Legal Science. New York, 1941. P. 22; *Pound R.* Sociology of Law. New York, 1943. — P. 332.
4. Кононов А. А. Общенаучная концепция системы права // Правоведение. — 2003. — № 3. — С. 20.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. — М., 2009. — С. 103–110.
6. Akers R. L. Toward a Comparative Definition of Law // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. — 1965. — Vol. 56. — № 3. — P. 301.
7. Friedman L. M. Legal Culture and Social Development // Law and Society Review. — 1969. — Vol. 4. — № 1. — P. 30.
8. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. — М., 2003. — С. 26–42; *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001; *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000; *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; *Кузнецов В. Н.* Гуманитарные взаимодействия: социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности: в 3 т. Т. 1. Россия и Евразия: социология геокультурной динамики евразийской безопасности XXI века. М., 2008. С. 365–370; *Eckstein H.* A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. — 1988. — № 82. — P. 789.
9. Барковский А. Н. Стратегия внешнеэкономических связей России в условиях глобализации (сценарий до 2025 года) // Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности / отв. ред. Д. С. Львов, Д. Е. Сорокин. — М., 2005. — С. 424–430.
10. Basedow J. The Effects of Globalization on Private International Law // Basedow J., Kono T. (eds.). Legal Aspects of Globalization. Conflict of Law, Internet. Capital Markets and Insolvency in a Global Economy. — Hague, 2000. — P. 1–10.
11. Dorsey G. L. Nations and Civilization from the Perspective of Jurisculture // Saint Louis — Warsaw Transatlantic Law Journal (1997). P. 121–138; *Post R. C.* Fashioning the Legal Constitution: Culture, Courts and Law // Harvard Law Review. 2003. Vol. 117. P. 52–56; 80–86; *Merry S. E.* Law, Culture and Cultural Appropriation // Yale Human Rights and Development Law Review. — 1998. — № 10. — P. 575.
12. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. — М., 2009. — С. 3.
13. Friedman L. M. Law, Lawyers and Popular Culture // The Yale Law Journal. — 1989. — № 98. — P. 1581.
14. Муромцев Г. И. О некоторых методологических проблемах современной российской юридической науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. — 2007. — № 1. — С. 6.
15. Мальцев В. А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 18.
16. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры: автореф. ... д-ра юр. наук. — М., 2007. — С. 11–12.
17. Синюков В. Н. Правовая система: вопросы правореализации / В. Н. Синюков, Ф. А. Григорьев. — Саратов, 1995. — С. 7.
18. Право и культура / В. С. Нерсесянц [и др.] — М., 2002.
19. Темницкий А. Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология. — М., 2007. — № 24. — С. 81–101.
20. Касперович А. Ю. Перспективы использования социокультурного подхода в исследовании социального взаимодействия в местных сообществах // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харьков, 2008. — С. 449.
21. Кармин А. С. Культурология. — СПб., 2001. — С. 149.

22. Тайлор Э. Б. Первобытная культура: пер. с англ. — М., 1989. — С.18.
23. Academic American Encyclopedia. — New Jersey, 1980. — Vol. 5. — P. 384.
24. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — М., 2006. — С. 33.
25. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М., 2002. — С. 462.
26. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. — М., 2005. — С. 140.
27. Добреньков В. И., А. И. Кравченко. Фундаментальная социология: в 15 т. — Т. 4. Общество: статика и динамика. — М., 2004. — С. 761.
28. Большаков Н. Н. К вопросу о понятии «культура» // Философия и культура: тезисы к XVII Всемирному философскому конгрессу (Монреаль, 1983). — М., 1983. — С. 16.
29. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. — М., 2002. — С. 444.
30. Крапивенский С. Э. Социальная философия. — Волгоград, 1996. — С.145.
31. Селезнев А. М. Проблемы стадийности всемирно-исторического процесса // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — 2003. — № 6. — С. 27.
32. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. — Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. — СПб., 2001. — С. 61.
33. Оруджев З. М., Кузнецова Т. В. Культура и цивилизация // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — 2005. — № 2. — С. 84–87.
34. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. — М., 2001. — С. 312.
35. Викторов А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации: теоретико-методологические аспекты. — М., 2009. — С. 255.
36. Культурология / отв. ред. А. А. Радугин. — М., 1998. — С. 16; Минюшев Ф. И. Социальная антропология. — М., 2009. — С. 58.
37. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М., 2001. — С. 49.
38. Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. — 2007. — № 6. — С. 11.
39. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. — М., 1999. — С. 269.
40. Friedman L. The Concept of Legal Culture: A Reply. Nelken D. (ed.), Comparing Legal Cultures. Aldershot, 1997. P. 34; Shervin R. K. (ed.), Popular Culture and Law. Hants (2006). P. 1.
41. Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство (XXIII Всемирный конгресс международной ассоциации философии права и социальной философии) // Правоведение. — 2008. — № 2. — С. 131–132.
42. Перевалов В. Д. Теория государства и права. — М., 2005. — С. 196–197.
43. Томсинов В. А. Значение категории «правовая культура» для историко-правовой науки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2007. — № 6. — С. 29.
44. Вардьянц Г. К. Социологическая теория права. — М., 2007. — С. 190.
45. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. — М., 2002. — Т. 3. — С. 366.
46. Тиунова Л. Б. О понятии правовой системы // Правоведение. — 1985. — № 1. — С. 29.
47. Мальцев В. А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 24.
48. Лукашева И. Е. Социалистическое правосознание и законность. — М., 1973.
49. Михайлов А. Е. Философские аспекты правовой жизни // Правовая политика и правовая жизнь. — 2001. — № 1. — С. 99.
50. Гуревич П. С. Культурология. — М., 2003. — С. 210.

51. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. — М., 2005. — С. 147.
52. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. — М., 2003. — С. 22–23.
53. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — М., 2006. — С. 56–277.
54. Поленина С. В. Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. — М., 2005. — С. 19.
55. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. — М., 2005. — С. 141.
56. Куляскина И. Ю., Титлина Е. Ю., Киселева О. В. Культурология. — Благовещенск, 2001. — С. 48.
57. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. — Киев, 2005. — С. 109–121; *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 2001. С.246–264; *Тер-Минасова С. Г.* Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 2. С. 7–16; *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 4. Общество: статика и динамика. М., 2004. С. 622–624; *Marlies Calenkamp, Individualism versus Collectivism.* Rotterdam. 1993; *Thompson M. H.* Individualistic and Collectivistic Liberty // *Journal of Philosophy.* — Vol. 37. — № 14. (1940). — P. 382–38.
58. Степин В. С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 14–31.
59. Культурология. История мировой культуры / под ред. Н. О. Воскресенской. — М., 2003. — С. 7.
60. Кармин А. С. Культурология. — СПб., 2001. — С. 183–187; *Каган М. С., Хилтухина Е. Г.* Проблема «Запад — Восток» в культурологии. М., 1994.
61. Dictionary of the Social Science (Graig Calhoun (ed.)). — Oxford, 2000. — P. 78; *See also The Encyclopedia Americana. International edition.* — 1997. — Vol. 7. — P. 239; *The New Encyclopaedia Britannica. 15th edition.* — 2002. — Vol. 3. — P. 453.
62. Психология: словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — С. 167.
63. Dictionary of the Social Science (Graig Calhoun (ed.)). — Oxford, 2000. — P. 228; *See also The Encyclopedia Americana. International edition.* 1997. Vol. 15. P. 69; *The New Encyclopaedia Britannica. 15th edition.* 2002. Vol. 6. P. 295.
64. Al-Zahrani S.S.A. Attributional Biases in Individualistic and Collectivistic Cultures: A Comparison of Americans with Saudis / S.S.A. Al-Zahrani, S. A. Kaplowitz // *Social Psychology Quarterly.* — 1993. — Vol. 56. — № 3. — P. 223.
65. Степин В. С. Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 17.
66. Чиркин В. Е. Современные цивилизации и права человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 180.
67. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 2. — С. 9–10.
68. Платон. Законы. — М., 1999. — С. 365.
69. Платон. Законы. — М., 1999. — С. 332.
70. Асмус В. Ф. Античная философия. — М., 2001. — С. 183.
71. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г. Д. Гурвича. — М., 2002. — С. 52.
72. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. — М., 2005. — С. 394.

73. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 2. — С. 8; *Al-Zahrani S. S. A., Kaplowitz S. A. Attributional Biases in Individualistic and Collectivistic Cultures: A Comparison of Americans with Saudis // Social Psychology Quarterly. 1993. — Vol. 56. — № 3. — P. 223.*
74. Сумбатян Ю. Г. Проблемы современной цивилизации // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — 2003. — № 4. — С. 33.
75. Антология мировой философии: античность. — Минск; М., 2001. — С. 158.
76. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. — Киев, 2005. — С. 111.
77. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — № 2. — С. 10.
78. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 121.
79. Crittenden J. Beyond Individualism. Reconstructing the Liberal Self. — New York, 1992. — P. 77.
80. Crittenden J. Beyond Individualism. Reconstructing the Liberal Self. — New York, 1992. — P. 77.
81. Шестакова М. А. Индивидуальное мышление в контексте принципа плюрализма // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. — 2005. — № 4. — С. 3–18.
82. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2002.
83. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М., 2006. — С. 64.
84. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. — М., 2000.
85. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М., 2006.
86. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя: пер. с англ. — М., 2004.
87. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. — М., 1993.
88. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. — М., 1994.
89. Блюменранц М. Глобальные проблемы современного культурного процесса // Вопросы философии. — 2006. — № 5. — С. 160.
90. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. — М., 1999. — С. 507.
91. Оболонский А. В. Мораль и право в политике и управлении. — М., 2006. — С. 24.
92. Платон. Законы. — М., 1999. — С. 167.
93. Платон. Законы. — М., 1999. — С. 386.
94. Black D. Sociological Justice. — New York; Oxford. 1989. — P. 44.
95. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. — М., 2000. — С. 66–76; *Ллойд Д.* Идея права. — М., 2002. — С. 226–235; *Сандевуар П.* Введение в право. — М., 1994. — С. 33–34, 74–77.
96. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. — М., 2003. — С. 139–140.
97. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид К. М. Жоффре-Спинози. — 1997. — С. 39.
98. Vago S. Law and Society. — New Jersey, 2003. — P. 325–334.
99. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998. — С. 48.
100. Давид Р., Жоффре-Спинози К. М. Основные правовые системы современности. — 1997. — С. 22.

101. Лисицын-Светланов А. Г. Всеобщая декларация прав человека — концептуальная основа правового развития в современном мире // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 11–12.
102. Зорькин В. Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 6.
103. Сорокина Е. А. Институт обещания (fides) в архаическом праве: культурно-исторические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. — 2008. — № 3. — С. 5–7.
104. См., напр.: Vogel E. F. The Four Little Dragons: The Spread of Industrialisation in East Asia. — 1991.
105. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. — М., 2009. — С. 106, 109.
106. Rokumoto K. Law and Culture in Transition // American Journal of Comparative Law. — 2001. — № 49. — P. 546, 549, 559.
107. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. — СПб., 2001. — С. 162.
108. Давид Р., Жоффре-Спинози К. М. Основные правовые системы современности. — 1997. — С. 27.
109. Lee L. T., Lai W. W. The Chinese Conceptions of Law: Confucian, Legalist, and Buddhist // Varga C. (ed.). Comparative Legal Cultures. — New York, 1992. — P. 225–247.
110. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. — М., 2009. — С. 240.
111. История китайской философии: пер. с кит. / под общей ред. М. Л. Титаренко. — М., 1989. — С. 60–61.
112. Choi C. Traditional Legal Thoughts in Korea // Journal of Korean Law. — 2003. — Vol. 3. — № 1. — P. 106.
113. Nahm C. Law Culture and the Politics of Confucianism // Columbia Journal of Asian Law. — 2003. — Vol. 16. — № 2. — P. 253–301.
114. Chai D-K. Western Law in a Traditional Society Korea // Varga C. (ed.). Comparative Legal Cultures. — New York, 1992. — P. 249–274.
115. Максименко В. А. Категория прав человека в мусульманском праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2004. — № 2. — С. 86.
116. Саидов А. Х. Общепризнанные права человека. — М., 2002. — С. 61.
117. Сюкияйнен Л. Р. Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // Всеобщая Декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 81.
118. Поленина С. В., Скурко Е. В. Право, гендер и культура в условиях глобализации. — М., 2009. — С. 32–33.
119. Чиркин В. Е. Современные цивилизации и статус человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. — М., 2009. — С. 184.
120. Oloruntimehin O., The Status of Informal Social Control and Dispute Resolution — An analysis of African Societies // Sebba L. (ed.). Social Control and Justice. — Jerusalem, 1996. — P. 333–342.
121. Зорькин В. Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 6.
122. Carpi F. Harmonisation and Approximation in Civil Procedure // Rabello A. M., Zannoni A. (eds.). Development in European, Italian and Israeli Law. — Milan, 2001. — P. 294.

SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF LAW

© *Dmitry Ya. Maleshin*

Dr. Sci (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

37 Lenin Hills 1, bld. 13, 4th educational building, Moscow, Russia 119991

E-mail: dmitry.maleshin@gmail.com

Efficient legal regulation in the field of civil legal relations call for, among sociological and practical aspects studies, appliance of sociocultural method, which reveals «predisposition» of cultural type of society. Carrying out of any legal transformation should be implemented only with a clear understanding of sociocultural peculiarities of the national legal system. Failures or uncertainty with civilizational identity of Russia, for example, lead to negative consequences. The sociocultural method allows to determine the causes why many civil procedural institutions, made «on paper» or which are efficient in other countries, remain inactive on practice. In order to improve judicial instruments, the definitions of concepts as culture, civilization, attitude of mind is of a great significance for legal science development. There are two sociocultural types in contemporary comparative legal studies. Notwithstanding globalization and rapprochement of legal systems and cultures of the East and the West, there is a search of a happy middle ground in law between regulations based on individualism and collectivism. Legal culture as a part of sociocultural type of society, affects legislation via legal consciousness and legal practice. The sociocultural type of society is a background of legal system development.

Keywords: law; society; legal system; legal regulation; legal culture; sociocultural method; cultural type; formational and civilizational approaches; collectivism and individualism in law.